

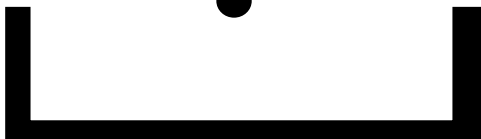
**ХАНТЕР С.
ТОМПСОН**

HUNTER S.
THOMPSON

THE RUM DIARY

**ХАНТЕР С.
ТОМПСОН**

**РОМОВЫЙ
ДНЕВНИК**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-311.2(73)
ББК 84(7Сое)-44
Т56

Серия «От битника до Паланика»

Hunter S. Thompson
THE RUM DIARY

Перевод с английского *И. Судакевича*

Компьютерный дизайн *В. Половцева*

Печатается с разрешения The Estate of Hunter S. Thompson
и литературного агентства The Wylie Agency (UK) Ltd.

Томпсон, Хантер С.

Т56 Ромовый дневник : [роман] / Хантер С. Томпсон ;
[перевод с английского И. Судакевича]. — Москва : Изда-
тельство АСТ, 2024. — 288 с. — (От битника до Паланика).

ISBN 978-5-17-165378-1

Пуэрто-Рико.

Остров, на котором невозможно работать — а можно сойти с ума,
спиться или влюбиться. Или все сразу.

Здесь теплая компания журналистов коротает время в местном
кабаке, где они методично наливаются ромом и ведут беседы о том,
как дошли до жизни такой.

Здесь молодой репортер Пол Кемп получает важные профессио-
нальные и жизненные уроки.

Здесь скучно и нечего делать.

Именно поэтому то, что начиналось как ленивый южный адюль-
тер, семимильными шагами мчится к настоящей трагедии...

Любовь, выпивка, смерть — а что, собственно, нужно еще?

УДК 821.111-311.2(73)
ББК 84(7Сое)-44

© The state of Hunter S. Thompson, 1998

© Перевод. И. Судакевич, 2024

 Школа перевода В. Баканова, 2024

© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

ISBN 978-5-17-165378-1

*Посвящается Хайди Опхайм,
Мэриью Руд и Дейне Кеннеди*

*Всадник мой с глазами ясными,
Что случилось с тобой вчера?
Покупала тебе я обновочки,
Все гадала: вернешься когда?
Твой гнедой уж здесь; седло алое.
«От крови», — подсказала родня.
Я-то верила: во всем свете нет
Никого, кто сильнее тебя.*

Черная Айлин О'Коннелл, 1773 г.

Сан-Хуан, зима 1958 г.

В начале пятидесятых, когда Сан-Хуан еще только становился туристским городом, экс-жокей по имени Ал Арбонито построил бар на заднем дворе своего дома, что стоял на Кайе-О'Лири. Он назвал его «Алов дворик» и повесил вывеску над парадным входом, со стрелкой, указующей на проход к патио между двумя полуразвалившимися халупами. Поначалу он торговал только пивом, по двадцать центов за бутылку, и ромом: дайм** за стопку, или пятнарик, если со льдом. Спустя несколько месяцев он стал подавать гамбургеры, которые сам же и готовил.*

Уютное было местечко для выпивки, особенно по утрам, когда солнце еще прохладное, а с океана наползает солоноватый туман, придающий воздуху бодрящий здоровый привкус, который на короткие ранние часы удерживал свои позиции против душного, потогонного пекла, к полудню бравшего Сан-Хуан в клещи и державшегося часами после вечерней зари.

* патио (исп.) — открытый внутренний дворик.

** дайм — десять центов.

По вечерам здесь тоже было неплохо, хотя и не столь прохладно. Порой с моря поднимался бриз и, как правило, не обходил бар стороной благодаря отличному местоположению: «Алов дворик» стоял на самой верхушке холма Кайе-О'Лири, до того высоко, что если б в стенах патио имелись окна, можно было бы увидеть весь город у подножия. Впрочем, стена была сплошной и толстенной, так что смотреть оставалось только на небо да на рожицу банановых деревьев.

Шло время; Ал приобрел новый кассовый аппарат, потом купил складные деревянные столики для патио и, наконец, перебрался с семьей из дома на Кайе-О'Лири в пригородный urbanización, что возле аэропорта. Он нанял детину-негра по кличке Трубочист, который мыл посуду, разносил гамбургеры и в конечном итоге выучился стряпать.*

Свою старую гостиную Ал превратил в крошечную таверну с «живой» музыкой, причем пианист у него был из Майами: худющий печальноликий мужчина по имени Нельсон Отто. Инструмент поставили на полпути между коктейльным салоном и патио. Это был древний кабинетный рояль, окрашенный в светло-серый цвет и покрытый специальным шеллачным лаком для защиты от соленого воздуха — и семь дней в неделю, на протяжении всех двенадцати месяцев бесконечного карибского лета, Нельсон Отто сидел за клавишами, смешивая собственный пот с вымученными аккордами своей музыки.

В туристическом бюро любят вещать о прохладных пассатах, которые днем и ночью, круглый год ласкают-де берега Пуэрто-Рико, однако Нельсон Отто, судя по всему,

* Urbanización (исп.) — квартал новостроек; жилой массив.

РОМОВЫЙ ДНЕВНИК

был тем человеком, до которого пассаты добраться не могли. Час за часом сидел он в спертом, душном воздухе, наигрывая каденции затасканного репертуара из блюзов и сентиментальных баллад, покамест пот пропитывал подмышки цветастых хлопковых батников и капал с подбородка. Он вовсю честил «хреново пекло», да с таким жаром и ненавистью, что порой вконец портил мирный настрой заведения; народ даже вставал и уходил в соседний «Фламбойан-лаунж», где бутылка пива стоила шестьдесят центов, а стейк шел по три с половиной.

Когда бывший коммунист по фамилии Лоттерман пожаловал из Флориды и взялся издавать «Сан-Хуан дейли ньюс», «Алов дворик» превратился в англоязычный пресс-клуб, потому как никто из журналистских перекасти-поле и мечтателей, прибывших работать на новую газету Лоттермана, не мог позволить себе посидеть в дорогущих барах типа «Нью-Йорк», которые там и сям выскакивали в городе как неоновые поганки. Репортеры дневной смены и клерки толпами вваливались примерно в семь, а полуночники — то бишь ведущие спортивных колонок, редакторы и верстальщики — обычно прибывали *en masse** где-то к двенадцати. Порой у Ала назначались и свидания, хотя обычным вечером любая девушка смотрелась здесь редкостью и эротичной штучкой. Белых женщин в Сан-Хуане вообще насчитывалось маловато; по большей части это были либо туристки, либо шлюшки, либо стюардессы. Неудивительно, что они предпочитали казино или бар-террасу в «Хилтоне».

Кто только не шел работать в «Дейли ньюс»: разношерстная публика от диких младотурков, хотевших ра-

* *En masse* (фр.) — толпой; скопом.

зорвать мир напополам и начать все заново, до усталых «негров» от журналистики с пивными животиками, которые ничего так не хотели, как дожить оставшиеся деньки в покое, пока шайка оголтелых психов не разорвала мир напополам.

В их лице была представлена вся палитра, от подлинных талантов и честнейших душ до дегенератов и безнадежных неудачников, едва ли способных заполнить словами почтовую открытку... Хулиганистые оболтусы, беглые преступники и опасные пьяницы; один кубинец, мелкий магазинный вор, вечно таскавший пистолет под мышкой; слабоумный мексиканец, растлитель малолеток; сутенеры, педерасты и прочие язвы — если не сказать твердый шанкр — на теле человечества. Все они держались недолго, пока не зарабатывали на авиабилет и несколько стопок выпивки сверху.

С другой стороны, имелись и такие, как Том Вандервиц, который позднее трудился в «Вашингтон пост» и получил Пулитцеровскую премию. А еще был человек по фамилии Тиррелл, нынешний редактор «Лондон таймс», вкалывавший по пятнадцать часов в сутки лишь бы не дать газете загнуться.

К моменту моего появления «Дейли ньюс» исполнилось три года, и Эд Лоттерман был на краю нервного срыва. Если послушать его заявления, так могло показаться, что он сидит на каждом перекрестке и самого себя видит триединым сочетанием Господа Бога, мистера Пулитцера и Армии Спасения в одном лице. Он частенько говаривал, что если бы все те люди, что работали на его газету на протяжении прошедших лет, в один прекрасный день предстали перед троном Вседержителя — то

РОМОВЫЙ ДНЕВНИК

есть если бы они там встали и пересказали историю своей жизни со всеми вывертами, преступлениями и сдвигами по фазе, — то сам Господь выдрал бы себе половину волос и свалился в обморок.

Понятное дело, Лоттерман преувеличивал; в своей филиппике он забыл про славных и добрых людей, а вещал лишь про тех, кого именовал «винными башками». Впрочем, таковых было отнюдь не мало, и они представляли собой странную и буйную гоп-компанию. В лучшем случае на них нельзя было положиться, а в худшем... Да что там говорить: пьянь, грязь — и доверия меньше чем козлам-проводникам. Хотя они все же умудрялись держать газету на плаву; а свободное время многие из них убивали за выпивкой в «Аловом дворике».

Они взвыли и забрюзжали, когда Ал — «в припадке жадности», если верить недоброжелателям — поднял плату за пиво до четвертака; и продолжали ныть, пока он не додумался припилить листок с ценами на спиртное в «Карибском Хилтоне». Прейскурант конкурентов был на корябан черным карандашом и висел на виду за барной стойкой.

Коль скоро газета функционировала в качестве расчетной палаты для всякого писаки, горе-фотографа и полуграмотного мошенника, брошенного судьбой в Пуэрто-Рико, Ал решил извлечь не вполне очевидную выгоду и от этого направления бизнеса. Ящичек под кассовым аппаратом был вечно набит неоплаченными счетами и письмами со всего света, заверявшими «погасить долг в близком будущем». Бродячие журналисты — народец жуковатый и любит «кинуть», к тому же солидный непогашенный счет за барные посиделки может смотреться модным бременем

в глазах тех, кто путешествует по этому неприкаянному миру.

Собутыльников в те времена хватало с избытком. Такие знакомства длились недолго, зато народ валил толпой. Я их именую бродячими журналистами, потому как не получается подобрать иного, столь же удачного термина. И каждый из них — уникум в своем роде. Профессиональные извращенцы, хотя отдельные их черты были общими. Они зависели — по большей части по привычке — от журналов и газет, приносивших подавляющую часть средств к существованию; их жизни были «заточены» под сомнительные шансы и внезапные перемещения; и еще они не знали верности какому бы то ни было флагу, а из всех валют ценили только удачу да связи.

В кое-ком имелось больше от журналиста, нежели от бродяги, другие были скорее бродягами, чем журналистами, но все они — с небольшими, впрочем, исключениями — работали внештатниками, фрилансерами и почти что «нашими зарубежными корреспондентами», которые, в силу той или иной причины, обретались на далеком расстоянии от журналистского истеблишмента. Их не назовешь усердными дятлами или ура-патриотическими попугаями, что заполняли собой штат рутинерских газет и еженедельников империи Люса. Не того полета птички.*

В тихой гавани Пуэрто-Рико штаты «Дейли ньюс» были укомплектованы толпой из сварливых, кочующих особей. Перемещались они наобум, носимые ветрами слухов и стечений обстоятельств, что овевали Европу, Латинскую

* Люс, Генри Робинсон (1898—1967): издатель «Тайм», журнала «Форчун», иллюстрированного еженедельника «Лайф». Закоренелый консерватор республиканского толка.

РОМОВЫЙ ДНЕВНИК

Америку и Дальний Восток, — словом, всюду, где имелись англоязычные газеты. Они вечно скакали из одного издания в другое, постоянно держа уши на макушке на предмет пресловутого «великого шанса», классного репортажа, а то и просто высматривали себе богатую наследницу или аппетитное местечко с работой в духе «не бей лежачего» — на том конце следующего по счету авиабилета.

В каком-то смысле я был одним из них — более компетентный, да и психически более устойчивый, чем многие представители журналистской шатики-братии; безработица редко выпадала на мою долю. Порой я трудился на три газеты сразу. Кропал рекламки для новых казино и боулинг-клубов; консультировал синдикат, организовывавший петушиные бои; советовал до мозга костей продажному гастрономическому критику, освещавшему фешенебельные рестораны; давал справки яхтенному фотографу, вечному страдальцу от полицейского произвола... Жизнь бурлила, и я был жаден до нее. Обзавелся кое-какими любопытными друзьями, да и деньгами, позволявшими не сидеть на месте, и в целом узнал о мире столько, сколько ни за что бы не смог узнать любым иным путем.

Подобно большинству в моем тогдашнем окружении, я был вечно в поиске, в движении; записной мятежник, буянивший порой до глупости. Ни разу не сделал себе передышки, чтобы пораскинуть мозгами, хотя отчего-то верил в правоту моих инстинктов. Я разделял праздный оптимизм, будто кое-кто из нас серьезно продвигается вперед, что мы выбрали себе честную дорогу и что лучшие из нас обязательно перевалят через гребень.

В то же время я разделял и темное подозрение, что жизнь, которую мы вели, была полной безнадёгой, что все

Хантер Томпсон

мы — балаганские шуты и своей бессмысленной одиссеей обманываем самих себя. Лишь неослабное натяжение между двумя этими полюсами — с одной стороны, неугомонным идеализмом, а с другой — предчувствием грядущего рокового конца — давало мне силы идти дальше.

ОДИН

Моя нью-йоркская квартира располагалась на Перри-стрит, в пяти минутах ходьбы от «Белой лошади». Я частенько там выпивал, но не вписывался в компанию, потому как носил галстук. Настоящий народ не хотел иметь со мной дела.

В тот вечер, когда я вылетел в Сан-Хуан, я тоже там пил. За эль платил Фил Роллинз, с которым мы вместе работали, и я лакал из стакана, пытаюсь достаточно набраться, чтобы в полете заснуть. С нами был Арт Миллик, самый отчаянный таксист Нью-Йорка. И еще пришел Дюк Питерсон, только что вернувшийся с Виргинских островов. Помнится, Питерсон дал мне список людей, с которыми следует повидаться на Сент-Томасе; листок этот я потерял и ни с кем из них так и не встретился.

Стояла промозглая погода середины января, но на мне был лишь легкий вельветовый пиджак. Все остальные носили плотные куртки и фланелевые костюмы. Последнее воспоминание: я стою на грязном бордюрном камне, жму руку Роллинзу и клянчу ледяной ветер с Гуд-